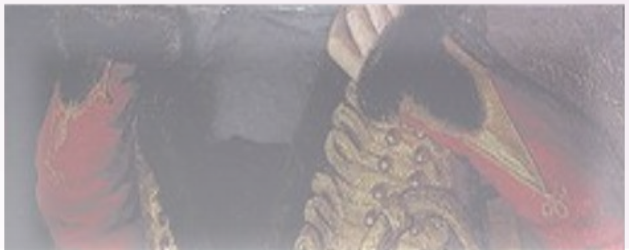
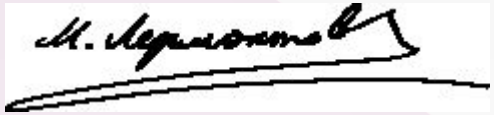
М.Ю.ЛЕРМОНТОВ

БИОГРАФИЯ



Имя при рождении: Михаил Юрьевич Лермонтов
Псевдонимы: —въ
Дата рождения: 15 октября 1814
Место рождения: Москва
Дата смерти: 27 июля 1841 (26 лет)
Место смерти: Пятигорск
Гражданство: Российская империя
Род деятельности: поэт, прозаик, художник
Годы творчества: 1828—1841
Направление: романтизм
Жанр: лирика
Язык произведений: русский
Подпись: 

Семья

Род Лермонтовых, по распространённому предположению, происходил из Шотландии и восходил к полумифическому барду-пророку Томасу Лермонту. Эта гипотеза, однако, до настоящего времени не была ни подтверждена, ни опровергнута.

Своим предполагаемым шотландским корням Лермонтов посвятил стихотворение «Желание». В юности Лермонтов также ассоциировал свою фамилию с испанским государственным деятелем начала XVII века Франсиско Лермой, эти фантазии отразились в написанном поэтом воображаемом портрете Лермы, а также драме «Испанцы».

Предок Лермонтова, поручик польской армии шотландского происхождения Юрий (Джордж) Лермонт, в 1613 году попал в плен и перешел на русскую службу. В чине ротмистра русского рейтарского строя он погиб при осаде Смоленска в 1633 году.

Сохранились документы относительно прадеда Михаила Лермонтова по отцовской линии, Юрия Петровича Лермонтова, воспитанника шляхетского кадетского корпуса. В это время род Лермонтовых пользовался ещё благосостоянием; захудалость началась с поколений, ближайших ко времени поэта. По воспоминаниям, собранным чембарским краеведом П. К. Шугаевым (1855—1917), отец поэта, Юрий Петрович Лермонтов (1787—1831) «был среднего роста, редкий красавец и прекрасно сложен; в общем, его можно назвать в полном смысле слова изящным мужчиной; он был добр, но ужасно вспыльчив». Перед женитьбой на Марии Михайловне Арсеньевой, матери поэта, Юрий Петрович вышел в отставку в чине пехотного капитана. У Юрия Петровича Лермонтова были сёстры, проживавшие в Москве.Предки 1. Михаила Юрьевича Лермонтова 1814—1841

Дед поэта по материнской линии, Михаил Васильевич Арсеньев (1768—1810), отставной гвардии поручик, женился в конце 1794 или начале 1795 года в Москве на Елизавете Алексеевне Столыпиной (1773—1845), после чего купил «почти за бесценок» у Нарышкина в Чембарском уезде Пензенской губернии село Тарханы, где и поселился со своей женой. Село Тарханы было основано в XVIII веке Нарышкиным, который поселил там своих крепостных из московских и владимирских вотчин из числа отчаянных воров, головорезов и закостенелых до фанатизма раскольников.

Эти крестьяне долгое время разговаривали на подмосковном наречии с доминирующей «о». Во время пугачёвского восстания в село заходили отряды мятежников. Предусмотрительный староста заранее сумел ублаготворить всех недовольных, раздав крестьянам почти весь барский хлеб, поэтому и не был повешен.

Михаил Васильевич Арсеньев «был среднего роста, красавец, статный собой, крепкого телосложения; он происходил из хорошей старинной дворянской фамилии». Любил развлечения и отличался некоторой экзальтированностью: выписал себе в имение из Москвы карлика, любил устраивать различные развлечения.

Елизавета Алексеевна, бабушка поэта, была «не особенно красива, высокого роста, сурова и до некоторой степени неуклюжа». Обладала недюжинным умом, силой воли и деловой хваткой. Происходила из знаменитого рода Столыпиных. Её отец несколько лет избирался предводителем дворянства Пензенской губернии. В его семье было 11 детей. Елизавета Алексеевна была первым ребёнком. Один из её родных братьев, Александр, служил адъютантом Александра Суворова, двое других — Николай и Дмитрий, вышли в генералы, один стал сенатором и дружил со Сперанским, двое избирались предводителями губернского дворянства в Саратове и Пензе. Одна из её сестёр была замужем за московским вице-губернатором, другая за генералом.

После рождения единственной дочери Марии, Елизавета Алексеевна заболела женской болезнью. Вследствие этого Михаил Васильевич сошёлся с соседкой по имению, помещицей Мансыревой, муж которой длительное время находился за границей в действующей армии. 2 января 1810 года , узнав во время рождественской ёлки, устроенной им для дочери, о возвращении мужа Мансыревой домой, Михаил Васильевич принял яд. Елизавета Алексеевна, заявив: «собаке собачья смерть», вместе с дочерью на время похорон уехала в Пензу.

Во время обучения в Мо[illegible] ермонтов проживал в доме своей бабуш[illegible] а, Малая Молчановка, 2. Сейчас здесь наход[illegible]

Бабушка поэта, Елизавета Алексеевна Арсеньева, страстно любила внука, который в детстве не отличался сильным здоровьем. Энергичная и настойчивая, она прилагала все усилия, чтобы дать ему всё, на что только может претендовать продолжатель рода Лермонтовых. О чувствах и интересах отца она не заботилась. Лермонтов в юношеских произведениях весьма полно и точно воспроизводил события и действующих лиц своей личной жизни. В драме с немецким заглавием — «Menschen und Leidenschaften» — рассказан раздор между его отцом и бабушкой.

Лермонтов-отец не в состоянии был воспитывать сына, как этого хотелось аристократической родне, — и Арсеньева, имея возможность тратить на внука «по четыре тысячи в год на обучение разным языкам», взяла его к себе с уговором воспитывать его до 16 лет и во всём советоваться с отцом. Последнее условие не выполнялось; даже свидания отца с сыном встречали непреодолимые препятствия со стороны Арсеньевой.

Ребёнок с самого начала должен был осознавать противоестественность этого положения. Его детство протекало в поместье бабушки, Тарханах, Пензенской губернии; его окружали любовью и заботами — но светлых впечатлений, свойственных возрасту, у него не было.

Студенческие годы

С сентября 1830 года Лермонтов числится студентом Московского университета сначала на «нравственно-политическом отделении», потом на «словесном».

Серьёзная умственная жизнь развивалась за стенами университета, в студенческих кружках, но Лермонтов не сходится ни с одним из них. У него несомненно больше наклонности к светскому обществу, чем к отвлечённым товарищеским беседам: он по природе наблюдатель действительной жизни. Исчезло чувство юной, ничем не омрачённой доверчивости, охладела способность отзываться на чувство дружбы, на малейшие проблески симпатии. Его нравственный мир был другого склада, чем у его товарищей, восторженных гегельянцев и эстетиков.

Он не менее их уважал университет: «светлый храм науки» он называет «святым местом», описывая отчаянное пренебрежение студентов к жрецам этого храма. Он знает и о философских заносчивых «спорах» молодёжи, но сам не принимает в них участия. Он, вероятно, даже не был знаком с самым горячим спорщиком — знаменитым впоследствии критиком, хотя один из героев его студенческой драмы «Странный человек» носит фамилию Белинский, что косвенно свидетельствует о непростом отношении Лермонтова к идеалам, проповедуемым восторженной молодёжью, среди которой ему пришлось учиться.

Главный герой — Владимир — воплощает самого автора; его устами поэт откровенно сознаётся в мучительном противоречии своей натуры. Владимир знает эгоизм и ничтожество людей — и всё-таки не может покинуть их общество: «когда я один, то мне кажется, что никто меня не любит, никто не заботится обо мне, — и это так тяжело!» Ещё важнее драма как выражение общественных идей поэта. Мужик рассказывает Владимиру и его другу, Белинскому — противникам крепостного права, — о жестокостях помещицы и о других крестьянских невзгодах.

АВТОПОРТРЕТ

Рассказ приводит Владимира в гнев, вырывает у него крик: «О моё отечество! моё отечество!», — а Белинского заставляет оказать мужикам помощь.

Для поэтической деятельности Лермонтова университетские годы оказались в высшей степени плодотворны. Талант его зрел быстро, духовный мир определялся резко. Лермонтов усердно посещает московские салоны, балы, маскарады. Он знает действительную цену этих развлечений, но умеет быть весёлым, разделять удовольствия других. Поверхностным наблюдателям казалась совершенно неестественной бурная и гордая поэзия Лермонтова при его светских талантах.

Они готовы были демонизм и разочарование его счесть «драпировкой», «весёлый, непринуждённый вид» признать истинно лермонтовским свойством, а жгучую «тоску» и «злость» его стихов — притворством и условным поэтическим маскарадом. Но именно поэзия и была искренним отголоском лермонтовских настроений. «Меня спасало вдохновенье от мелочных сует», — писал он и отдавался творчеству, как единственному чистому и высокому наслаждению. «Свет», по его мнению, всё нивелирует и опошливает, сглаживает личные оттенки в характерах людей, вытравливает всякую оригинальность, приводит всех к одному уровню одушевлённого манекена. Принизив человека, «свет» приучает его быть счастливым именно в состоянии безличия и приниженности, наполняет его чувством самодовольства, убивает всякую возможность нравственного развития.

Лермонтов боится сам подвергнуться такой участи; более чем когда-либо он прячет свои задушевные думы от людей, вооружается насмешкой и презрением, подчас разыгрывает роль доброго малого или отчаянного искателя светских приключений. В уединении ему припоминаются кавказские впечатления — могучие и благородные, ни единой чертой не похожие на мелочи и немощи утончённого общества.

Он повторяет мечты поэтов прошлого века о естественном состоянии, свободном от «приличья цепей», от золота и почестей, от взаимной вражды людей. Он не может допустить, чтобы в нашу душу были вложены «неисполнимые желанья», чтобы мы тщетно искали «в себе и в мире совершенство». Его настроение — разочарование деятельных нравственных сил, разочарование в отрицательных явлениях общества, во имя очарования положительными задачами человеческого духа.

Эти мотивы вполне определились во время пребывания Лермонтова в московском университете, о котором он именно потому и сохранил память, как о «святом месте».

Лермонтов не пробыл в университете и двух лет; выданное ему свидетельство говорит об увольнении «по прошению» — но прошение, по преданию, было вынуждено студенческой историей с одним из наименее почтенных профессоров Маловым. С 18 июня 1832 года Лермонтов более не числился студентом.

Комментарии к «Воспоминаниям» П. Ф. Вистенгофа уточняют, что Лермонтов оставил Московский университет (подал заявление?) весной 1832 г. При этом из четырёх семестров его пребывания первый не состоялся из-за карантина по случаю эпидемии холеры, во втором семестре занятия не наладились отчасти из-за «маловской истории», и затем Лермонтов перевёлся на словесное отделение. Там, на репетициях экзаменов по риторике (П. В. Победоносцев), а также геральдике и нумизматике (М. С. Гастев) Лермонтов, обнаружив начитанность сверх программы и одновременно незнание лекционного материала, вступил в пререкания с экзаменаторами; после объяснения с администрацией возле его фамилии в списке студентов появилась помета: лат. consilium abeundi («посоветовано уйти»).

Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров

Он уехал в Санкт-Петербург с намерением снова поступить в университет, но ему отказались засчитать два года, проведённых в Московском университете, предложив поступить снова на 1 курс. Лермонтова такое долгое студенчество не устраивало, и он под влиянием петербургских родственников, прежде всего Монго-Столыпина, наперекор собственным планам, поступает в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Эта перемена карьеры отвечала и желаниям бабушки.

Лермонтов оставался в школе два «злополучных года», как он сам выражается. Об умственном развитии учеников никто не думал; им «не позволялось читать книг чисто-литературного содержания». В школе издавался журнал, но характер его вполне очевиден из поэм Лермонтова, вошедших в этот орган: «Уланша», «Петергофский праздник»…

Накануне вступления в школу Лермонтов написал стихотворение «Парус»; «мятежный» парус, «просящий бури» в минуты невозмутимого покоя — это всё та же с детства неугомонная душа поэта. «Искал он в людях совершенства, а сам — сам не был лучше их», — говорит он устами героя поэмы «Ангел смерти», написанной ещё в Москве.

В лермонтоведении существует мнение о том, что за два юнкерских года ничего существенного Лермонтов не создал. Действительно, в томике стихотворений за эти годы мы найдём только несколько «Юнкерских молитв». Но не нужно забывать о том, что Лермонтов так мало внимания уделяет поэзии не потому, что полностью погрузился в юнкерский разгул, а потому, что он работает в другом жанре: Лермонтов пишет исторический роман на тему пугачёвщины, который останется незаконченным и войдёт в историю литературы как роман «Вадим». Кроме этого, он пишет несколько поэм и всё больше интересуется драмой. Жизнь, которую он ведёт, и которая вызывает искреннее опасение у его московских друзей, даёт ему возможность изучить жизнь в её полноте. И это знание жизни, блестящее знание психологии людей, которым он овладевает в пору своего юнкерства, отразится в его лучших произведениях.

Юнкерский разгул и забиячество доставили ему теперь самую удобную среду для развития каких угодно «несовершенств». Лермонтов ни в чём не отставал от товарищей, являлся первым участником во всех похождениях — но и здесь избранная натура сказывалась немедленно после самого, по-видимому, безотчётного веселья. Как в московском обществе, так и в юнкерских пирушках Лермонтов умел сберечь свою «лучшую часть», свои творческие силы; в его письмах слышится иногда горькое сожаление о былых мечтаниях, жестокое самобичевание за потребность «чувственного наслаждения». Всем, кто верил в дарование поэта, становилось страшно за его будущее. Верещагин, неизменный друг Лермонтова, во имя его таланта заклинал его «твёрдо держаться своей дороги». Лермонтов описывал забавы юнкеров, в том числе эротические, в своих стихах. Эти юношеские стихи, содержавшие и нецензурные слова, снискали Лермонтову первую поэтическую славу.

В 1832 году в манеже Школы гвардейских подпрапорщиков лошадь ударила Лермонтова в правую ногу, расшибив её до кости. Лермонтов лежал в лазарете, его лечил известный врач Н. Ф. Арендт. Позже поэт был выписан из лазарета, но врач навещал его в доме Е. А. Арсеньевой.

В гвардии

Выйдя из школы корнетом в лейб-гвардии Гусарский полк, Лермонтов по-прежнему живёт среди увлечений и упрёков совести, среди страстных порывов и сомнений, граничащих с отчаянием. О них он пишет к своему другу Марии Лопухиной, но напрягает все силы, чтобы его товарищи и «свет» не заподозрили его гамлетовских настроений.

Люди, близко знающие его, вроде Верещагиной, были уверены в его «добром характере» и «любящем сердце»; но Лермонтов считал для себя унизительным явиться добрым и любящим перед «надменным шутом» — «светом». Напротив, он хочет показаться беспощадным на словах, жестоким в поступках, во что бы то ни стало прослыть неумолимым тираном женских сердец. Тогда-то пришло время расплаты для Сушковой.

Лермонтову-гусару, наследнику крупного состояния, ничего не стоило заполонить сердце когда-то насмешливой красавицы, расстроить её брак с Лопухиным. Потом началось отступление: Лермонтов принял такую форму обращения к Сушковой, что она немедленно была скомпрометирована в глазах «света», попав в положение смешной героини неудавшегося романа. Лермонтову оставалось окончательно порвать с Сушковой — и он написал на её имя анонимное письмо с предупреждением против себя самого, направил письмо в руки родственников несчастной девицы и, по его словам, произвёл «гром и молнию».

Потом, при встрече с жертвой, он разыграл роль изумлённого, огорчённого рыцаря, а в последнем объяснении прямо заявил, что он её не любит и, кажется, никогда не любил. Всё это, кроме сцены разлуки, рассказано самим Лермонтовым в письме к Верещагиной, причём он видит лишь «весёлую сторону истории». Единственный раз Лермонтов позволит себе не сочинить роман, а «прожить его» в реальной жизни, разыграв историю по нотам, как это будет в недалёком будущем делать его Печорин.

Совершенно равнодушный к службе, неистощимый в проказах, Лермонтов пишет застольные песни самого непринуждённого жанра — и в то же время такие произведения, как «Я, матерь Божия, ныне с молитвою»

До сих пор поэтический талант Лермонтова был известен лишь в офицерских и светских кружках. Первое его произведение, появившееся в печати, — «Хаджи Абрек», попало в «Библиотеку для чтения» без его ведома, и после этого невольного, но удачного дебюта, Лермонтов долго не хотел печатать своих стихов. Смерть Пушкина явила Лермонтова русской публике во всей силе поэтического таланта. Лермонтов был болен, когда совершилось страшное событие. До него доходили разноречивые толки; «многие», рассказывает он, «особенно дамы, оправдывали противника Пушкина», потому что Пушкин был дурён собой и ревнив и не имел права требовать любви от своей жены.

В конце января тот же врач Н. Ф. Арендт, побывав у заболевшего Лермонтова, рассказал ему подробности дуэли и смерти Пушкина.

Об особенном отношении врача к происходившим событиям рассказывал другой литератор — П. А. Вяземский.

Невольное негодование охватило Лермонтова, и он «излил горечь сердечную на бумагу». Стихотворение «Смерть Поэта» оканчивалось сначала словами: «И на устах его печать». Оно быстро распространилось в списках, вызвало бурю в высшем обществе, новые похвалы Дантесу; наконец, один из родственников Лермонтова, Н. Столыпин, стал в глаза порицать его горячность по отношению к такому джентльмену, как Дантес. Лермонтов вышел из себя, приказал гостю выйти вон и в порыве страстного гнева набросал заключительные 16 строк «А вы, надменные потомки…»…

Последовал арест и судебное разбирательство, за которым наблюдал сам император; за Лермонтова вступились пушкинские друзья, прежде всего Жуковский, близкий императорской семье, кроме этого бабушка, имевшая светские связи, сделала всё, чтобы смягчить участь единственного внука. Некоторое время спустя корнет Лермонтов был переведён

Первое пребывание на Кавказе и его влияние на творчество

РИСОВАЛ М.Ю. ЛЕРМОНТОВ

НЕМНОГО ЛЕТ ТОМУ НАЗАД, ТАМ, ГДЕ,СЛИВАЯСЯ ,ШУМЯТ, ОБНЯВШИСЬ,БУДТО ДВЕ СЕСТРЫ, СТРУИ АРАГВЫ И КУРЫ…

Первое пребывание Лермонтова на Кавказе длилось всего несколько месяцев. Благодаря хлопотам бабушки он был сначала переведён с возвращённым чином корнета в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, расположенный в Новгородской губернии, а потом — в апреле 1838 года — переведён в Лейб-гвардии Гусарский Его Величества полк. С полком Лермонтов проехал также по территории Азербайджана (Шуша (Нуха?), Куба, Шемаха). Несмотря на кратковременность службы на Кавказе, Лермонтов успел сильно измениться в нравственном отношении. Впечатления от природы Кавказа, жизни горцев, кавказский фольклор легли в основу многих произведений Лермонтова.

Природа приковала всё его внимание; он готов «целую жизнь» сидеть и любоваться её красотой; общество будто утратило для него привлекательность, юношеская весёлость исчезла и даже светские дамы замечали «чёрную меланхолию» на его лице. Инстинкт поэта-психолога влёк его, однако, в среду людей.

о здесь мало ценили, ещё меньше понимали, но горечь и злость закипали в нём, и на бумагу ложились новые пламенные речи, в воображении складывались бессмертные образы.

Лермонтов возвращается в петербургский «свет», снова играет роль льва, тем более, что за ним теперь ухаживают все любительницы знаменитостей и героев; но одновременно он обдумывает могучий образ, ещё в юности волновавший его воображение. Кавказ обновил давнишние грёзы; создаются «Демон» и «Мцыри».

«Немного лет тому назад,
Там, где, сливаяся, шумят,
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры…»

И та, и другая поэма задуманы были давно. О «Демоне» поэт думал ещё в Москве, до поступления в университет, позже несколько раз начинал и переделывал поэму; зарождение «Мцыри», несомненно, скрывается в юношеской заметке Лермонтова, тоже из

- В основе «Демона» лежит сознание одиночества среди всего мироздания. Черты демонизма в творчестве Лермонтова: гордая душа, отчуждение от мира и презрение к мелким страстям и малодушию. Демону мир тесен и жалок; для Мцыри — мир ненавистен, потому что в нём нет воли, нет воплощения идеалов, воспитанных страстным воображением сына природы, нет исхода могучему пламени, с юных лет живущему в груди. «Мцыри» и «Демон» дополняют друг друга.
- Военно-Грузинская дорога близ Мцхеты. 1837. Картина М. Ю. Лермонтова. Картон, масло.
- Разница между ними — не психологическая, а внешняя, историческая. Демон богат опытом, он целые века наблюдал человечество — и научился презирать людей сознательно и равнодушно. Мцыри гибнет в цветущей молодости, в первом порыве к воле и счастью; но этот порыв до такой степени решителен и могуч, что юный узник успевает подняться до идеальной высоты демонизма.
- Несколько лет томительного рабства и одиночества, потом несколько часов восхищения свободой и величием природы подавили в нём голос человеческой слабости. Демоническое миросозерцание, стройное и логическое в речах Демона, у Мцыри — крик преждевременной агонии.
- Демонизм — общее поэтическое настроение, слагающееся из гнева и презрения; чем более зрелым становится талант поэта, тем реальнее выражается это настроение и аккорд разлагается на более частные, но зато и более определённые мотивы.
- В основе «Думы» лежат те же лермонтовские чувства относительно «света» и «мира», но они направлены на осязательные, исторически точные общественные явления: «земля», столь надменно унижаемая Демоном, уступает место «нашему поколению», и мощные, но смутные картины и образы кавказской поэмы превращаются в жизненные типы и явления. Таков же смысл и новогоднего приветствия на 1840 год.
- Очевидно, поэт быстро шёл к ясному реальному творчеству, задатки которого коренились в его поэтической природе; но не без влияния оставались и столкновения со всем окружающим. Именно они должны были намечать более определённые цели для гнева и сатиры поэта и постепенно превращать его в живописца общественных нравов.
- Будучи в Тифлисе, Лермонтов принялся учить азербайджанский («татарский», по тогдашней терминологии) язык. В 1837 году в своем письме С. А. Раевскому Лермонтов пишет: «Начал учиться по-татарски, язык, который здесь, и вообще в Азии, необходим, как французский в Европе, — да жаль, теперь не доучусь, а впоследствии могло бы пригодиться…». Азербайджанскому Лермонтова учил известный азербайджанский просветитель Мирза Фатали Ахундов, служивший в то время переводчиком в канцелярии кавказского наместника

Первая дуэль

- Вернувшись из первой ссылки на Кавказ, Лермонтов привёз массу новых поэтических произведений. После «Смерти поэта» он стал одним из самых популярных писателей в России, да и в свете его теперь воспринимают совсем иначе. Лермонтов вошёл в круг пушкинских друзей и наконец-то начинает печататься, почти каждый номер журнала Краевского «Отечественные записки» выходит с новыми стихотворениями поэта.
- 16 февраля 1840 года в доме графини Лаваль в разгар бала словно невзначай вспыхнула ссора Лермонтова с сыном французского посла де Баранта — Эрнестом. Молодому французу сообщили эпиграмму Лермонтова, писанную ещё в юнкерской школе по адресу совершенно другого лица, и уверили, что поэт оскорбил в этом четверостишии именно его, да ещё будто бы дурно отзывался о нём в разговоре с одной дамой. На балу Барант подошел к Лермонтову и потребовал от него объяснений. Дуэль состоялась 18 февраля рано утром на Парголовской дороге, за Чёрной речкой, недалеко от того места, где Пушкин стрелялся с Дантесом. Дуэль окончилась бескровно: одна шпага переломилась, перешли на пистолеты, и Барант, хотя и целился, промахнулся, а Лермонтов уже после этого разрядил пистолет, выстрелив в сторону. Противники помирились и разъехались.
- Но тайными путями о дуэли стало известно начальству. Лермонтова арестовали и предали военному суду за «недонесение» о дуэли. А молодому Баранту, чтобы не привлекать его к судебному следствию, министр иностранных дел граф Нессельроде в частной беседе посоветовал выехать на некоторое время за границу. Наконец приговор был вынесен и утверждён: царь распорядился снова сослать Лермонтова на Кавказ, в армейский полк, воевавший в самом отдалённом и опасном пункте Кавказской линии.
- Во время ареста Лермонтова посетил Белинский. Когда он познакомился с поэтом, достоверно неизвестно: по словам Панаева — в Санкт-Петербурге, у Краевского, после возвращения Лермонтова с Кавказа; по словам товарища Лермонтова по университетскому пансиону И. Сатина — в Пятигорске, летом 1837 года.

- Вполне достоверно одно, что впечатление Белинского от первого знакомства осталось неблагоприятное. Лермонтов по привычке уклонялся от серьёзного разговора, сыпал шутками и остротами по поводу самых важных тем — и Белинский, по его словам, не раскусил Лермонтова. Свидание на гауптвахте окончилось совершенно иначе: разговор зашёл об английской литературе, о Вальтере Скотте, перешёл на русскую литературу, а потом и на всю русскую жизнь. Белинский пришёл в восторг и от личности, и от художественных воззрений Лермонтова. Он увидел поэта «самим собой»; «в словах его было столько истины, глубины и простоты!» — отмечал Белинский.
- Впечатления Белинского повторились на Фридрихе Боденштедте, впоследствии переводчике произведений поэта. Казаться и быть для Лермонтова были две совершенно различные вещи; перед людьми малознакомыми он предпочитал казаться, но был совершенно прав, когда говорил: «Лучше я, чем для людей кажусь».
- Вторая ссылка на Кавказ кардинальным образом отличалась от того, что ждало его на Кавказе несколькими годами раньше: тогда это была приятная прогулка, позволившая Лермонтову знакомиться с восточными традициями, фольклором, много путешествовать. Теперь же его прибытие сопровождалось личным приказом императора не отпускать поэта с первой линии и задействовать его в военных операциях. Прибыв на Кавказ, Лермонтов окунулся в боевую жизнь и на первых же порах отличился, согласно официальному донесению, «мужеством и хладнокровием». В стихотворении «Валерик» и в письме к Лопухину Лермонтов ни слова не говорит о своих подвигах.
- Тайные думы Лермонтова давно уже были отданы роману. Он был задуман ещё в первое пребывание на Кавказе; княжна Мери, Грушницкий и доктор Вернер, по словам того же Сатина, были списаны с оригиналов ещё в 1837 году. Последующая обработка, вероятно, сосредоточивалась преимущественно на личности главного героя, характеристика которого была связана для поэта с делом самопознания и самокритики.
- Сначала роман «Герой нашего времени» существовал в виде отдельных глав, напечатанных как самостоятельные повести в журнале «Отечественные записки». Но вскоре вышел роман, дополненный новыми главами и получивший таким образом завершённость.
- Первое издание романа было быстро раскуплено, и почти сразу появилась критика на него. Почти все, кроме Белинского, сошлись во мнении о том, что Лермонтов в образе Печорина изобразил самого себя, и что такой герой не может являться героем своего времени. Поэтому второе издание, появившееся почти сразу во след первому, содержало предисловие автора, в котором он отвечал на враждебную критику. В «Предисловии» Лермонтов провёл черту между собою и своим героем и обозначил основную идею своего романа.
- В 1840 году вышло единственное прижизненное издание стихотворений Лермонтова, в которое он включил около 28 стихотворений.

Пятигорск. Вторая дуэль

- Зимой 1841 года, оказавшись в отпуске в Петербурге, Лермонтов пытался выйти в отставку, мечтая полностью посвятить себя литературе, но не решился сделать это, так как бабушка была против, она надеялась, что её внук сможет сделать себе карьеру и не разделяла его увлечение литературой. Поэтому весной 1841 года он был вынужден возвратиться в свой полк на Кавказ.
- По пути на Кавказ Лермонтов свернул на Землянск. Он встретил бывшего однополчанина А. Г. Реми, с которым был давно знаком — ему подарил как-то свой портсигар с изображением охотничьей собаки (ныне этот экспонат находится в музее-заповеднике «Тарханы»). Вместе с Реми, получившим назначение в Новочеркасск, Лермонтов и заехал в гости к офицеру лейб-гвардии Гусарского полка А. Л. Потапову, в его воронежское имение Семидубравное — 50 километров от Воронежа и 10 километров к юго-западу от Землянска.
- Уезжал из Петербурга он с тяжёлыми предчувствиями — сначала в Ставрополь, где стоял тенгинский полк, потом в Пятигорск. В Пятигорске произошла его ссора с майором в отставке Николаем Соломоновичем Мартыновым.
- Впервые Лермонтов познакомился с Мартыновым в Школе гвардейских подпрапорщиков, которую Мартынов закончил на год позже Лермонтова. В 1837 году Лермонтов, переведённый из гвардии в Нижегородский полк за стихи «На смерть поэта», и Мартынов, отправляющийся на Кавказ, две недели провели в Москве, часто завтракая вместе у Яра. Лермонтов посещал московский дом родителей Мартынова. Впоследствии современники считали, что прототипом княжны Мери была Наталья Соломоновна — сестра Мартынова.

- Как писал в своих «Записках декабриста» Н. И. Лорер:
- Мартынов служил в кавалергардах, перешёл на Кавказ, в линейный казачий полк и только что оставил службу. Он был очень хорош собой и с блестящим светским образованием. Нося по удобству и привычке черкесский костюм, он утрировал вкусы горцев и, само собой разумеется, тем самым навлекал на себя насмешки товарищей, между которыми Лермонтов по складу ума своего был неумолимее всех. Пока шутки эти были в границах приличия, всё шло хорошо, но вода и камень точит, и, когда Лермонтов позволил себе неуместные шутки в обществе дам…, шутки эти показались обидны самолюбию Мартынова, и он скромно заметил Лермонтову всю неуместность их. Но желчный и наскучивший жизнью человек не оставлял своей жертвы, и, когда они однажды сошлись в доме Верзилиных, Лермонтов продолжал острить и насмехаться над Мартыновым, который, наконец, выведенный из терпения, сказал, что найдёт средство заставить молчать обидчика. Избалованный общим вниманием, Лермонтов не мог уступить и отвечал, что угроз ничьих не боится, а поведения своего не переменит.
- Дуэль произошла 15 июля. Лермонтов выстрелил вверх (основная версия), Мартынов — прямо в грудь поэту.
- Князь А. И. Васильчиков, очевидец событий и секундант Мартынова, рассказал историю дуэли.
- Основная мысль автора:
- в Лермонтове было два человека: один — добродушный, для небольшого кружка ближайших друзей и для тех немногих лиц, к которым он имел особенное уважение; другой — заносчивый и задорный, для всех прочих знакомых.
- Похороны Лермонтова не могли быть совершены по церковному обряду, несмотря на все хлопоты друзей. Официальное известие об его смерти гласило: «15-го июля, около 5 часов вечера, разразилась ужасная буря с громом и молнией; в это самое время между горами Машуком и Бештау скончался лечившийся в Пятигорске М. Ю. Лермонтов». По словам князя Васильчикова, в Петербурге, в высшем обществе, смерть поэта встретили отзывом: «Туда ему и дорога»… В своих воспоминаниях П. П. Вяземский, со слов флигель-адъютанта полковника Лужина, отметил, что Николай I отозвался об этом, сказав: «Собаке — собачья смерть». Однако после того, как великая княгиня Мария Павловна «вспыхнула и отнеслась к этим словам с горьким укором», император, выйдя в другую комнату к тем, кто остался после богослужения (дело происходило после воскресной литургии), объявил: «господа, получено известие, что тот, кто мог заменить нам Пушкина, убит».
- Спустя несколько месяцев Арсеньева перевезла прах внука в Тарханы.

ЛЕРМОНТОВ

МЮ ЛЕРМОНТОВА